

Океанъ бытія.

(Оккультная сказка).

Э. Иннесъ.

Я сидѣлъ на морскомъ берегу и всматривался въ океанъ, въ необъятное, волнующееся пространство, и, по мѣрѣ того, какъ я наблюдалъ его великое движеніе, какъ волна за волной бросалась на берегъ, разбиваясь въ брызги, я почувствовалъ свое существо приливающимъ и отливающимъ вмѣстѣ съ морскимъ приливомъ и отливомъ, я почувствовалъ себя струящимся съ каждой набѣгающей волной. Съ каждымъ прибоемъ я былъ отбрасываемъ на дно своего собственнаго существованія, а затѣмъ я отступалъ назадъ, въ великій океанъ жизни. Я оставилъ мое тѣло на морскомъ берегу, чтобы слѣдовать за убѣгающимъ отливомъ, и когда я погружался въ великій океанъ матеріи, я чувствовалъ себя спускающимся въ глубины моей собственной внутренней природы. И я плавалъ тамъ подобно маленькой рыбкѣ, плавалъ въ океанѣ живого вещества, минуя морскихъ чудовищъ; нѣкоторые изъ нихъ съѣдали меня, но я все же былъ живъ, я свободно проходилъ черезъ ихъ тѣла. Но я жаждалъ безусловной свободы; во мнѣ трепетала и меня притягивала жизнь единого великаго океана, и мнѣ дѣла не было до чудовищъ глубины; я искалъ корня бытія, властелина океана, источника его жизни. Отливъ ослабѣвалъ, и когда онъ смѣнялся приливомъ, я чувствовалъ какъ жизнь внутри меня вздымалась и прибывала; кровь, переливавшаяся въ моихъ жилахъ, казалось мѣняла свое направленіе съ каждымъ новымъ движеніемъ водяной громады, и въ то же время перемѣщалось все мое пониманіе вещей.

Съ убывающимъ отливомъ я былъ увлеченъ въ глубины океана, и когда меня втянуло въ его бездну, я проносился мимо всѣхъ чудовищъ глубины. Теперь же, съ прибывающимъ приливомъ, я зналъ, что возвращаюсь туда, откуда исшелъ; но куда же дѣвались чудовища глубины? Ихъ болѣе не было, и я уже не проносился черезъ ихъ тѣла, я поднимался вмѣстѣ съ великой приливающей волной жизни, и я зналъ, что увеличиваюсь, расту и прибываютъ во мнѣ силы.

Я наблюдалъ теперь не матерію, а жизнь, зыбющуюся вокругъ меня, и когда я волною катился обратнo къ берегамъ, я замѣтилъ странное зрѣлище. Въ водѣ не было болѣе живыхъ существъ; но я видѣлъ, какъ все тѣло океана пронизывалось лучами свѣта, словно просверленное нитями ослѣпительно золотого сіянія—сверкающая сѣтчатая ткань изъ свѣта вверху, внизу и вокругъ меня. Съ этимъ сошествіемъ свѣта, вещество океана измѣнилось; оно перестало быть веществомъ, оно стало океаномъ дыханія. Я вздохнулъ: теперь океанъ былъ *моимъ* дыханіемъ, свѣтозарная сѣть была моимъ тѣломъ, сквозь которое ритмически пульсировала моя собственная жизнь, и теперь мое тѣло, сотканное изъ свѣтовыхъ лучей, обнимало весь океанъ, волны котораго изъ водяныхъ превратились въ воздушныя. Съ возвратомъ прилива вся природа моего существа измѣнилась; я уже пересталъ существовать среди океана матеріи, я жилъ въ лучахъ свѣта, танцующихъ на поверхности воздушнаго океана, и вездѣ, гдѣ свѣтовые лучи скрещивались, я видѣлъ, словно драгоценный камень ярко вспыхивалъ и сверканіе его отражалось въ моемъ маленькомъ тѣлѣ, распростертомъ на прибрежьи. Съ возвратомъ прилива я почувствовалъ, какъ всѣ многочисленныя существа океана слились въ одно, и это одно большое существо былъ я самъ.

* * *

День приближался къ концу, солнце быстро спускалось къ горизонту; я шелъ на западъ по полямъ, глядя на небеса, загорѣвшіяся пылающими отгѣнками заката. Когда солнце совсѣмъ исчезло за горизонтомъ, я опустилсѣ на землю и силы начали покидать меня. Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ солнца—дыханіе какъ бы покинуло мое тѣло. Это былъ не обморокъ, я только пересталъ дышать и сдѣлался совершенно пассивнымъ. Но одновременно съ прекращеніемъ дыханія, странная дѣятельность возникла внутри моего тѣла. Я почувствовалъ, какъ всѣ влажные элементы внутри

меня собрались вмѣстѣ и образовали вокругъ меня какъ бы оболочку изъ паровъ. Я ощущалъ нѣжное и тонкое расцвѣтаніе какъ-бы цвѣтовъ персика на кожѣ, которая, казалось, облекала меня. Я взглянулъ на луга и увидѣлъ, какъ осенній туманъ поднимался надъ ними; я чувствовалъ, какъ онъ поднимался, но чувствовалъ это по новому, какъ никогда раньше. Я зналъ теперь, что испытываетъ земля, когда заходитъ солнце, извлекая изъ нея всѣ элементы влаги, ибо я пережилъ это самъ; я испытывалъ, какъ душа моя выходила изъ меня, извлекаемая заходящимъ солнцемъ, чтобы свободно носиться вокругъ меня, и ощущение это было восхитительно. Я не чувствовалъ болѣе границъ своего тѣла. Не было болѣе тѣхъ опредѣленныхъ очертаній, которыя облекали мое тѣло, когда солнце оставалось на небесахъ. Казалось, появился новый элементъ, промежуточный между землею и воздухомъ, и внутри меня возникла новая природа, промежуточная между веществомъ и дыханіемъ.

Но я все же продолжалъ жить, хотя дыханіе и прекратилось во мнѣ, и элементы моего тѣла сохраняли взаимную связь какимъ-то другимъ способомъ. Какъ только это пресуществленіе произошло, слабость покинула меня, и я всталъ и направился домой; но по мѣрѣ того, какъ я ступалъ по землѣ, какія удивительныя новыя ощущенія испытывалъ я! Новая способность проникновенія родилась во мнѣ, и даже не во мнѣ, а внутри моихъ ногъ.... Совершенно такъ же, какъ, поднимая глаза къ небесамъ, видишь каждый разъ всѣ свѣтила снова, и при каждомъ прикосновеніи моихъ ногъ къ землѣ во мнѣ рождалась новая способность познания. Я видѣлъ внутри земли, и каждый слѣдъ, оставляемый мною, превращался въ живое воспоминаніе. Я оглянулся и, по мѣрѣ того, какъ я смотрѣлъ на свои собственные слѣды, они вызывали во мнѣ рядъ впечатлѣній отъ скрытой природы земли. Казалось, что я получилъ способность видѣть ступнями внутри земли, и я увидалъ тамъ столько же драгоценныхъ камней, сколько звѣздъ на небесахъ. Снова и снова наступалъ я ногами на росистую землю и каждый разъ испытывалъ новый толчекъ, подобный тому, когда неожиданно сталкиваешься съ предметомъ, котораго ранѣе не замѣчалъ.

Много новаго раскрывается въ теченіе эволюціи, но могъ ли я развить въ одинъ мигъ, въ моментъ заката, новый органъ зрѣнія въ подошвахъ моихъ ногъ? Я снова сѣлъ, чтобы рассмотреть свои ноги, и къ великому моему изумленію увидѣлъ на нихъ нѣчто, чего ранѣе на нихъ не было. Тамъ, на подошвахъ обѣихъ ногъ,

видѣлся словно отпечатанный большой кругъ съ клинообразными спицами внутри. Это было какъ бы отраженіе могучаго пламеннаго свѣтила, которое, передъ исчезновеніемъ за горизонтъ оставило свой отпечатокъ на подошвахъ моихъ ногъ. Я началъ ихъ тереть, въ надеждѣ не исчезнетъ ли съ нихъ эта странная печать, но знакъ оставался неизгладимымъ. Мои ноги пылали; мало того, онѣ свѣтились красноватымъ свѣтомъ. Я продолжалъ итти, пока онѣ не заняли отъ разнообразія новыхъ впечатлѣній. Кругъ на подошвахъ обѣихъ ногъ испытывалъ все большее и большее утомленіе, подобно глазамъ, когда они устаютъ отъ слишкомъ долгаго разглядыванья интересныхъ предметовъ. Что мнѣ было дѣлать? Я долженъ былъ вернуться домой до наступленія темноты, а сумерки ужъ надвигались на меня. Я началъ ступать не подошвами, а краями моихъ ступней, и немедленно новая способность воспріятія покинула меня. Я побѣжалъ на кончикахъ ногъ—новой силы какъ не бывало. Затѣмъ я опять наступалъ всею ступней и опять видѣлъ насквозь, что творится въ нѣдрахъ земли. Что же я видѣлъ? Прежде всего я замѣтилъ, что земля была вся въ огнѣ: послѣ заката солнца, когда оно извлекло всѣ влажные элементы изъ земли, она казалось разрывалась внутри на множество живыхъ пламеней. Я увидѣлъ мириады маленькихъ огоньковъ и каждый изъ нихъ давалъ жизнь крошечному шару, помощью своего свѣта и тепла, и міровое вещество казалось раздѣлвшимся, но безъ всякаго отчужденія частицъ. И новый законъ, новый порядокъ, казалось, управлялъ ихъ дѣятельностями. Произошелъ какъ-бы поворотъ, измѣнилось самое направленіе ихъ огненной жизни; сила перестала стремиться къ поверхности; она устремилась теперь къ центру. Земля уже не горѣла влеченіемъ къ великому огненному свѣтилу, существующему внѣ ея; теперь внутри ея возникло множество крошечныхъ пылающихъ свѣтилъ и каждое изъ нихъ управляло своей собственной маленькой сферой. Въ тотъ моментъ былъ отливъ внутренней жизни земли и благодаря этому душа земли могла на время освободиться, такъ же, какъ *моя* душа смогла ускользнуть изъ моего тѣла благодаря смѣнѣ жизненнаго прилива на отливъ.

Дома я опять передумывалъ мои странныя переживанія и снова осматрѣлъ ступни моихъ ногъ; отпечатокъ солнечнаго круга исчезъ, но центральная точка исчезнувшаго колеса продолжала быть крайне чувствительной при прикосновеніи. Было такое же чувство, какъ если бы я дотрагивался до своихъ глазъ, прикрытыхъ вѣками. Нѣчто тонко чувствующее осталось тамъ.

Мои мысли обратились снова къ этимъ приливамъ и отливамъ, къ этимъ удивительнымъ дѣятельностямъ природы, къ проявленіямъ элементовъ, которые возобновляются изъ года въ годъ, изъ столѣтія въ столѣтія черезъ необозримую вѣчность. Съ какихъ поръ поднимается солнце на востокъ и заходитъ на западъ? Съ какихъ поръ земныя тѣла рождаются и увядаютъ? Съ какихъ поръ воздухъ служитъ дыханіемъ для этихъ тѣлъ? Съ тѣхъ поръ, какъ возникъ ростъ, возникло и время.

На другое утро, когда я сидѣлъ на морскомъ берегу и слѣдилъ за начавшимся отливомъ, я снова почувствовалъ, какъ тѣсно соединены эти жизнедѣятельности океана съ моимъ собственнымъ тѣломъ. Я зналъ, что именно благодаря имъ я буду въ состояніи возродиться въ великомъ моемъ Тѣлѣ. Не удастся ли мнѣ погрузиться въ это море матеріи, не покидая моего собственного маленькаго тѣла на морскомъ берегу? И въ отвѣтъ на это волны, казалось, зашептали мнѣ:

„Не оставляй своего тѣла, возьми его съ собой; одну лишь личность свою покинь на берегу. Въ тѣлѣ твоёмъ—зачатокъ будущаго твоего величія; черезъ него воспринимаешь ты всѣ прикосновенія Матери-Природы, которыя тихимъ шопотомъ разоблачаютъ передъ тобой тайны вселенской жизни“.

И тогда я очутился въ сторонѣ отъ своего тѣла, и я смотрѣлъ на него, какъ морякъ смотритъ на свой компасъ. Въ это утро я чувствовалъ, что плыву на поверхности океана матеріи, а не внутри его; и я держалъ въ рукахъ мое тѣло, какъ чрезвычайно чувствительный, легко отзывающійся инструментъ, вносящій въ списки каждое движеніе волнъ, каждое дуновеніе воздуха. Я почувствовалъ мое высшее Я свободнымъ, несущимъ мое маленькое „я“ въ своихъ рукахъ, но давало направленіе и держало курсъ въ это утро не большое, а маленькое я. При помощи маленькаго тѣла расширенный и освободившійся разумъ и дѣлалъ свои вычисления; безъ него большое Я затерялось бы въ океанѣ космическаго проявленія.

И тогда я призналъ въ своемъ маленькомъ тѣлѣ орудіе для опредѣленія отлива и прилива жизни души—орудіе, отмѣчающее указанія компаса и опредѣляющее границы дѣятельности разума; я видѣлъ, какъ оно удостовѣряло глубину океана и размѣръ земли, отзываясь съ такой чувствительностью на законъ притяженія, о какой человѣкъ не имѣетъ и понятія. Я увидѣлъ на моемъ маленькомъ тѣлѣ ясно начертанные пути небесныхъ свѣтилъ. Я увидалъ его связаннымъ по всѣмъ направленіямъ цѣпями,

выкованными природой; я увидалъ его плѣнникомъ во власти величественной силы и дивился, *какъ* можетъ человѣкъ толковать о свободной волѣ. И послѣ этого мое свободное большое Я подняло мое маленькое тѣло и притронулось имъ къ какой-то магической пружинѣ, и вдругъ.... всѣ связи и цѣпи порвались, я не былъ болѣе связанъ съ приливами и отливами природы; я былъ оторванъ и одинъ. Я не заносилъ болѣе въ книгу бытія дѣятельности Матери-Природы; я былъ какъ бы вынутъ изъ нея и вложенъ въ раковину или скорлупу, и эта раковина или скорлупа, въ которую было вложено мое тѣло, была моя собственная маленькая личность, выброшенная на морской берегъ волнами сверхличной жизни.

А затѣмъ, когда мое тѣло узнало продолженіе своихъ силъ, оно закричало, прося освобожденія; оно не хотѣло болѣе этихъ предѣловъ, ограничивающихъ его со всѣхъ сторонъ, не хотѣло болѣе отрыва отъ остальныхъ силъ природы; оно стремилось снова приковаться всѣми силами природы къ берегу и къ океану и жаждало еще разъ стать орудіемъ или даже игрушкой Великихъ Элементовъ.

Что же было мнѣ дѣлать? Предстояло ли мнѣ, маленькой личности, потерять мое маленькое тѣло? Слѣдовало ли мнѣ, опустѣвшей раковинѣ, быть выброшенной на берегъ и остаться опустошенной, разъ „животное“ покинуло ее, чтобы снова жить въ океанѣ бытія?

„Нѣтъ—отвѣчали волны океана,—не оставайся на берегу. Такъ же, какъ твое животное тѣло должно вернуться на родину, чтобы пребывать въ совершенномъ сочувствіи съ Великими Элементами, такъ же должна и твоя маленькая личность расширяться, пока она не достигнетъ совершеннаго сочувствія съ *Великой Личностью*. И тогда ты будешь имѣть тѣло для выполнения твоихъ приказаній и тогда оно станетъ *Великимъ тѣломъ*, заключающимъ въ себѣ множество маленькихъ жизней, послушнымъ твоему голосу и знающимъ свое Имя“.

Перев. съ англійскаго Е. П.

